

Всероссийская научная конференция «Судьбы средневековой традиции в петровское время», 25–26 октября 2022 года

Сектор Древнерусского искусства ГИИ провел 25–26 октября 2022 г. всероссийскую научную конференцию «Судьбы средневековой традиции в петровское время», приуроченную к 350-летию первого российского императора Петра I. Несмотря на юбилейный повод, задачей было не столько «отпраздновать» очередную дату, сколько поставить новые вопросы, взглянуть на известные факты и памятники в новых ракурсах, предложить новые сквозные хронологические обзоры тех и иных явлений, так же как и выявить ранее неизвестные или не привлекавшие внимания исследователей факты и памятники.

Задачей конференции было показать процесс обновления с разных сторон и в различных ракурсах, поэтому ее важной особенностью стала принципиальная междисциплинарность, разноплановость тем и их разномастшабность: мы приветствовали смену оптики от широкого обзора до исследования одного небольшого, но малоизвестного памятника и не настаивали на жестких хронологических границах — хотя за основу был взят «московский» период царствования Петра Алексеевича, в некоторых случаях доклады касались и начала XVII, и конца XVIII в., авторы пользовались даже отсылками к искусству XI в. и более раннему. Такой подход позволил дать мозаичную, но многоаспектную и перспективную картину — она представляется, в той или иной мере, продуктивной для развития исследований искусства рубежа XVII–XVIII вв. В общей сложности конференция включила 21 доклад от ведущих профессионалов в различных областях. Помимо московских специалистов, в работе участвовали ученые из Архангельска, Великого Новгорода, Ростова и Ярославля.

Разномастшабность тематики докладов показала себя, начиная с серии выступлений, посвященных живописи. А.С. Преображенский взглянул на тему развития портретной живописи в русском искусстве второй половины XVII в. с новой стороны — изучив портреты в пространстве храмов, икон, церковных предметов. Среди знаменитых произведений, таких как «Насаждение Древа государства Российского», были показаны и менее известные, к примеру, икона Алексия Человека Божия из ГТГ с изображением в молитвенном предстоянии фигуры, которую можно предварительно идентифицировать как более позднее изображение царевича Алексея Петровича.

Не менее масштабный обзор, от живописного ансамбля Введенского собора Толгского монастыря до ростовских и вологодских памятников 1720-х гг., содержался в докладе Т.Л. Никитиной. Т.Л. Никитина познакомила слушателей как с хронологией, так и с визуальным рядом и особенностями ростово-ярославской живописи времени 1690–1720-х гг. В этот период нарастает яркость, дробность и нарративность композиций, появляются новые сюжеты,

восходящие как к живописи собора Толгского монастыря, так и к росписи Успенского собора Ярославля (речь о сюжете Явления Богоматери перед апостолами по Успению). Не менее интересны исторические нюансы, в частности связь ряда сюжетов со старообрядческой полемикой, будь то укрупненное изображение рук с двуперстным благословением или подчеркнуто детализированное изображение Пира блудного сына из Библии Пискатора.

Несколько другому роду обзора памятников были посвящены доклады, связанные с историей благочестия Петра I и императорской семьи. М.А. Маханько рассказала о перевозе московских святынь к новому петербургскому двору, прежде всего в составе имущества женщин царской семьи, и об их последующем бытовании. Данная практика хорошо иллюстрирует связность эпох и наследуемость культуры, особенно связанной с почитанием старых семейных святынь.

Доклад Т.М. Кольцовой был посвящен деятельности Петра I на Русском Севере: царским вкладам, основанию крепостей и проч.; так же как и не менее важной для этих земель активности архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия. Сообщение включило в себя внушительный документированный обзор реликвий, привезенных на Север и созданных там; среди памятников благоволения царской семьи — не только штандарт Иерусалимского флага Петра I, но и серебряный голубь, подаренный царевной Софьей, и многие другие предметы. «Побочным» эффектом строительства петровского флота стало формирование северных артелей резчиков по дереву: время, свободное от работы на стапелях, мастера посвящали украшению иконостасов. Между тем части иконостасов нередко привозили из Москвы; но золотили уже на Севере. Архиепископ Афанасий также создает крупную живописную мастерскую (около 20 мастеров). По признанию Т.М. Кольцовой, именно к докладу удалось установить происхождение иконы Зосима и Савватий с монастырем в житии с изображением приезда Петра I на Соловки в 1702 г. — икона происходит из Николо-Карельского монастыря, при Никольском порте, более древнем, чем Архангельский.

Отдельный блок составили доклады, посвященные произведениям декоративно-прикладного искусства, истории их бытования и атрибуции. В докладе И.А. Стерлиговой рассмотрены царские приклады к иконам: от монет-подвесов, до цат и корун, начиная от истоков данной практики, восходящих к византийской и романской традиции — в частности, обычаю коронования статуи Богоматери папой римским, — и древнерусским памятникам домонгольского времени. Основным сюжетом сообщения стала трансформация традиции царских прикладов в петровское время: практика прикладов не исчезает полностью, но изменяется. Полностью отказываются от привесов-монет, старые украшения снимают и заменяют, нередко используя те же драгоценности, новыми ансамблями, трактованными «в духе времени», вероятно, по барочной моде. В то же время происходит переоценка церковных драгоценностей, которые разделяются на «курьезные», вызывающие исторический интерес — таким образом намечается тенденция к «музеефикации» старины.

В.В. Игошев предложил обоснованную датировку и атрибуцию Корсунского креста из Переславля, связав его создание со строительством и освящением собора Никольского монастыря «На болоте» и деятельностью бывшего расколоучителя, а затем сторонника никонианства, митрополита Питирима. Сообщение включало обзор истории Корсунских крестов, известных на Руси, что важно, в частности, потому, что в XIX в. переславский крест датировали очень разным временем, включая XI в. Изготовление запрестольного Корсунского креста могло быть, по версии В.В. Игошева, мотивировано полемикой Питирима со старообрядцами Керженского монастыря; значимой для такой полемики могла быть, в частности, равноконечная форма креста. Появление на поверхности дробниц-мощевиков, не типичное для запрестольных крестов, в отличие от напрестольных, также может быть попыткой заручиться поддержкой святых в полемике, направленной против старообрядцев.

Больше сорока церковных предметов, созданных в Ярославле в конце XVII в., были объединены А.В. Зубатенко в одну группу на основании сходства их очень качественного и детализированного исполнения. Помимо пышной и тщательной, роскошной чеканки, свойственной и другим ярославским вещам этого времени, предметы связывает между собой убедительность изображения фигур и «реалистичная», «почти портретная» трактовка лиц. К сожалению, идентифицировать мастеров не удастся: известно более 200 имен ярославских серебряников, но нет ни рядных записей, ни подписных вещей, которые позволили бы так или иначе связать группы вещей с мастерскими. Участники обсуждения пришли к выводу: указывать на сходство почерка — продуктивный путь изучения памятников, но определить, относятся ли вещи к работе одной мастерской или нескольких, и даже уточнить, работали ли над чеканкой и гравировкой одни и те же мастера, невозможно.

Доклады, посвященные истории архитектуры, также в той или иной степени представляли обзоры и тематические срезы. М.В. Вдовиченко рассказала о типологии «вписанного креста» и ее новом ответвлении, в котором четыре столпа свободно располагаются в интерьере, а иконостас приложен к восточной стене. Автор указывает на царский собор Покрова в Измайлове как на первопамятник, несмотря на то, что известны два других храма с четырьмя свободными столбами: Рождественский собор в Солигаличе и Крестовоздвиженский собор в Романове, которые имеют более ранние даты начала строительства (1668 и 1658 соответственно). По словам М.В. Вдовиченко, типология сопоставима по значению с другими новациями архитектуры конца XVII в., такими как собор Донского монастыря.

М.А. Мерзлютина сосредоточилась на типологии традиционного пятиглавого бесстолпного четверика и новаторского храма восьмерик на четверике в сочетании с осевой композицией «кораблем». Предварив сообщение экскурсом развития обоих вариантов объемно-пространственного решения для второй половины — конца XVII в., автор посвятила свой доклад двум утраченным, и потому малоизвестным, храмам Нижнего Новгорода: церкви Благовещения (1696–1697) и Св. Георгия (1702), — которые она фактически

вводит в контекст истории архитектуры конца века. Были показаны чертежи 1920-х гг. обоих памятников, хранящиеся в нижегородском музее, и сделан обзор как предшествующих, так и последующих аналогий, причем одним из прообразов Благовещенской церкви названа церковь Григория Неокессарийского на Полянке — благодаря фризу полихромных изразцов и осевой композиции, а Георгиевская церковь оказывается одним из очень качественных представителей своего направления.

Доклад Ю.В. Тарабариной был посвящен предыстории безопорных залов со сводами на распалубках. Действительно масштабные безопорные пространства появляются в конце XVII в. — в частности, в трапезных Симонова, Новодевичьего, Троице-Сергиева, Высокопетровского монастырей. В процессе обсуждения Г.С. Евдокимов высказал предположение, что это стало возможным благодаря появлению русских заводов по производству железа и, соответственно, удешевлению материала — что надо признать очень вероятным. Но не менее важен сам процесс поиска новой типологии. По версии автора доклада, одним из первых примеров большепролетных пространств, связанным с готико-ренессансными прообразами, мог стать Золотой Чердак Теремного дворца. Выявлено три памятника, они почти полностью совпадают в размерах (14,5 × 7,5 м, что лишь немного крупнее Теремка): это трапезные церкви Федора Студита у Никитских ворот, собора Алексеевского монастыря в Чертолье и собора Печерского монастыря в Нижнем Новгороде. Все они связаны с работой подмастерий каменных дел или с царским и патриаршим заказом.

А.В. Можяев, изложив подробную хронологию гражданской архитектуры от 1682 г. до конца XVII в., акцентировал значение фигуры князя В.В. Голицына, главы Посольского приказа, и, сославшись на статью М.В. Вдовиченко, посвященную истории строительства Набережных приказов, сопоставил с Поместным приказом изображения собственного дома Голицына на Охотном Ряду: его второй и, вероятно, деревянный третий этаж и лестницу, которую автор, в противовес открытому круглому маршу в реконструкции Д.П. Сухова, представляет в виде круглой лестничной башни, подобной башне Поместного приказа и множеству башен в палатах царевен к северу от Теремного дворца. Для второй части хронологии, связанной с Великим посольством 1698 г., А.В. Можяев считает показательной историю строительства Монетного двора, нижняя часть которого была завершена и начала функционировать в 1697 г., а верхняя достраивалась позднее и обладает иными стилистическими признаками. Исходя из гипотезы, что Монетный двор так и не был достроен к 1703 г., автор предложил его реконструкцию как симметричного здания с шатром по центру. Завершением доклада стал обзор московских палат, построенных после 1701 г. и, вероятно, восходящих к зданию Монетного двора. Общие черты: симметрия фасада, расположение проездной арки по центру и разделение окон колонками; впрочем, к 1712 г. владение декором Нового времени становится намного более уверенным.

Объемный обзор типологии деревянных храмов от конца XVII до конца XVIII в., был предложен в докладе И.Н. Шургина. Начиная от известного

феномена ярусных композиций (церкви Иоанна Богослова на Ишне, Тихвинской церкви в Торжке, церкви Иоанна Предтечи Ширкова погоста), автор переходит к типу церквей с четырехскатной кровлей и ступенчатой ярусной главой, которые подобны бесстолпным каменным храмам и, вероятно, воспроизводят их. Такие примеры обнаруживаются и в Ногинске, и в Боровске, вероятно, они были распространены в Москве, но встречаются и на Соловках. В клетских церквях этого времени также встречаются ярусные барабаны глав и имитации лотковых сводов. Кроме того, в петровское время продолжают свое существование шатровые церкви «восьмерик на четверике», восходящие к типологии XVI в. — их строят до конца XVIII в. В XVIII в. также появляются варианты совмещения шатра и ярусности, примером которого может служить утраченная недавно церковь Успения в Кондопоге, характерная для своего региона. Наконец, самый пышный вариант типологии XVIII в. — храмы с четырьмя прирубями, над которыми ступенчато нарастают бочки с главами, самый известный пример таких храмов — церковь Преображения в Кижях. Из этого ряда выпадает отчетливый голландизм деревянной церкви Петра и Павла (1719) в Петрозаводске. Подобную же схему построения объемов дает нам церковь Тихвинского погоста под Ферапонтово (1755); ее отличает устройство в западной части двух «лестничных башен», собранных в кубический объем; входы расположены с боковых сторон. И.Н. Шургин определяет деревянную архитектуру конца XVII — XVIII в., в противовес понятию «фольклорная», как «народную»: она развивалась, в значительной степени, самостоятельно, впитывая часть новаций, но в целом придерживаясь известных вариантов типологии, а после запрета строительства деревянных церквей при Павле I была утрачена из-за перерыва в работе и распада артелей.

Отдельный блок составили доклады, посвященные истории царских резиденций. Рассказ М.В. Николаевой раскрыл нюансы религиозной жизни малолетнего царевича Петра в хоромы, построенных для царицы Натальи Кирилловны вместе с церковью Петра и Павла, чей иконостас был выполнен мастерами Оружейной палаты по образцу иконостаса церкви Воскресения Словущего и которую юный Петр предпочитал другим дворцовым храмам. Религиозная жизнь царского двора была очень насыщенной и лишь позднее, после смерти матери в 1694 г., Петр стал решительно сокращать «время церкви». В докладе содержалось много архивных подробностей об обустройстве царских хором, в том числе о росписи полотен для стен и стеклярусе, который планировалось «насыпать по холсту».

История восстановления подмосковных царских дворцов перед коронацией Екатерины I стала темой доклада А.В. Топычканова. Основываясь на ранее малоизученных архивных данных (многие материалы на последние 30 лет не просматривали ни разу) автор показал, что, с одной стороны, в 1690-е начинается «исход» царской семьи из Кремля. Те царевны и царицы, которых не постригли в монастырь, отправляются в подмосковные дворцы: Прасковья Федоровна — в Измайлово, Наталья Алексеевна — в старый Преображенский дворец. Судя по документам, дворцы требовали ремонта минимум раз в 2 года;

но для некоторых комплексов считался достаточным простой ремонт, в то время как для других — Коломенского, Измайловского, Преображенского — в конце 1710-х гг., как и для Кремлевского дворца, царь потребовал ремонта с восстановлением «прежнего вида», что, вероятно, было связано с подготовкой к коронации Екатерины I.

С позиции Л.А. Беляева, рубеж XVII–XVIII вв. вовсе не существует как резкий перелом, а развитие культурного пространства с точки зрения археологии продолжалось непрерывно между серединой XVII и второй половиной XVIII в. (1657–1771 гг.). К примеру, случаи обозначения даты смерти одновременно от Сотворения мира и от Рождества Христова, созвучные европейским спорам о временном отсчете, встречаются с середины столетия. В то же время в середине XVIII в. можно встретить надгробие, шрифт которого оформлен созвучно XVII в., орнамент отсутствует, и только дата от РХ говорит о принадлежности к позднему времени. Все это указывает на то, что указы не всегда соблюдались, традиции проявляли жизнеспособность, новшества давали о себе знать несколько ранее, чем мы предполагаем.

Специальный сюжет составили доклады, посвященные недавним архивным и реставрационным исследованиям отдельных памятников архитектуры конца XVII в. О.Г. Ким осветила историографию палат дьяка Украинцева в Хохловском переулке, Г.С. Евдокимов рассказал о реставрационном исследовании памятника, проведенном архитектурной мастерской «Гинзбург Архитектс». Палаты Украинцева расположены на углу Хохловского переулка, на склоне берега речки Рачки, на сложном рельефе со значительным перепадом высот. Вероятно поэтому, вопреки существовавшим ранее гипотезам о палатах князя Одоевского 1660-х гг., участок не был застроен до конца XVII в. Наиболее вероятная дата постройки дома — конец XVII в. Этот вывод происходит из документальной истории: жалованье Е.И. Украинцева, фактического главы Посольского приказа, в конце 1680-х повысилось в достаточной мере для покупки участка и строительства палат. Датировку подтверждают и особенности архитектуры дома: очень простой, рациональной, раннепетровской, с минимальным декором в виде рамочных обрамлений окон и консолей карниза. Вероятно, откликом на сложный рельеф стало обилие металлических креплений в кирпичной кладке, притом что кирпич использовался не лучшего качества. Одна из особенностей дома — четыре круглых столба в палатах нижнего яруса. Прослеживается три строительных периода, незначительно отстоящих друг от друга.

Другой памятник, представленный на конференции, — палаты В.Ф. Нарышкина на Маросейке, 11. Е.Г. Одинец работала над исследованием реставрации здания в 2017–2022 гг.. Здание 1692–1694 гг. дошло до нас в перестройке 1820-х гг.; были найдены остатки фасадного декора конца XVII в., как и времени перестройки палат при М.Д. Кантемире; однако при реставрации было решено сохранить ампирный облик. Изучены и частично докомпонованы остатки оконных обрамлений боковых торцов ризалита, выходившего во двор, так же как и три колонки на северо-восточном углу. Среди интересных

находок — окошки «крепостной» типологии, со ступенчатым напуском кладки, во внешней стене западного крыла. Согласно предположению Е.Г.Одинец, эта стена могла появиться в период, когда в здании размещалась школа пастора Глюка, и служить для его охраны. На северной стене восточного крыла также обнаружены остатки декора XVII в., возможно, принадлежавшие к периоду, предшествовавшему времени постройки палат.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарабарина Юлия Валентиновна — старший научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, Москва, Российская Федерация, 125009. Главный редактор сайта Archi.ru (archi.ru). juliaarchiru@gmail.com

AUTHOR

Tarabarina, Iulia Valentinovna — senior researcher, State Institute for Art Studies, Kozitsky pereulok, 5, 125009 Moscow, Russian Federation. juliaarchiru@gmail.com

ДИСКУССИИ

Л.И. Лифшиц

Размышления о результатах технико-технологического исследования икон «Звенигородского чина»

Читая статьи В.В.Баранова, С.В.Свердловой, Л.В.Нерсесяна, посвященные памятникам живописи, связанным с именем Андрея Рублева, слушая их доклады, невольно задаешься вопросами: а) какой вид деятельности авторы рассматривают — технический или художественный? б) каковы цели, которые они преследуют, и задачи, которые хотят решить: стоят ли перед ними вопросы определения подлинности памятника или они обсуждают общие принципы атрибуции, установления авторства в тех случаях, когда речь идет о произведениях средневекового искусства? Вот как определяет характер такой деятельности В.В.Баранов: «Анализ и интерпретация признаков внешнего порядка (подчеркнуто мной. — Л.Л.) — то есть стиля, иконографии и т.д., — как метод идентификации индивидуальной художественной манеры мастера на настоящем этапе развития науки в значительной мере себя исчерпали...» [Баранов, 2012. С.16-24]. По его мнению, необходимый результат (непонятно, что в данном случае имеется в виду: авторство, подлинность, датировка? — Л.Л.) может дать только «приборно-технологический анализ», предполагающий последовательное послойное изучение основы, паволоки, грунта, авторского красочного слоя, лакового покрытия, реставрационных напластований. *Критерием подлинности* (курсив мой. — Л.Л.) является плотность связи слоев, их однородность и, конечно, приемы наложения красок, посредством которых создавалось изображение. К этому добавляется «изучение патины (признаков долгого бытования авторского материального комплекса), состояния сохранности памятника с выявлением микрорельефа подлинного красочного слоя, фиксация видоизменений материалов в ходе их старения и взаимодействия, а также классификация разновременных воздействий» [Там же. С.16-24]. Декларируя эти положения, автор забывает сказать о том, на какой основе будут строиться исследования, если их задача не только установление подлинности, но и атрибуция, к какой измерительной шкале он собирается прибегать. Без такой шкалы памятник, чья подлинность не вызывает сомнения, оказывается в обезличенном пространстве — вне истории, вне времени, вне культуры.

В цитируемой статье речь идет об иконе «Троица», являющейся, по общепринятому мнению, эталоном творчества Андрея Рублева. На этом